

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА.
ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Европейская цивилизация.
Историософский анализ

*Духовные истоки и развитие, или «Все дороги ведут в Рим»
(Omnes viae ad Romam ducunt)*

РИМСКИЙ КАТОЛИЦИЗМ
В ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ

Вынесенная в общий заголовок латинская пословица – «Все дороги ведут в Рим» – имеет сегодня особое политическое и даже цивилизационное значение для тех, кто полагает себя европейцами, т.е. наследниками объединенного Римской империей Средиземноморья. К таковым относятся и наследники «Второго Рима», Константинополя, обитатели которого именовали себя «ромеями». Относятся и те, кто иногда полагает себя составной частью «Третьего Рима» и даже наследники тех, кто на протяжении столетий противостоял католичеству, именуя папство кто «Вавилонской блудницей», кто царством «Великого Инквизитора». Тысячу с лишним лет назад византийские императоры остановили воинов халифата, а затем Оттон Великий отразил кочевников, угрожавших захлестнуть то, что мы сегодня именуем Европой; он стал императором Священной Римской Империи. «Римский пурпур, даже если он не отвечал более никакой материальной реальности, оставался единственным знаком, отвечавшим воображению. Запад не признавал никакого порядка, если он не был имперским и римским. Империя сохранялась для него, она лишь на время закатилась, но и через пять столетий ждет нового Феодосия и нового Траяна»¹. Того, что стали именовать много позже «европейской цивилизацией», не было бы и без военных побед над идущими с Востока полчищами, и без организующей идеи христианской Империи.

Ни католичество, ни русская мысль не являются самоидентифицируемыми и неизменными сущностями, некими вневременными идеями. Они менялись по ходу истории. Известны трудности, с которыми мы сталкиваемся, говоря о «русской философии». Если относить к ней только тех, кто каким-то образом выражал религиозное мирозерцание, то нам придется исключить не только подавляющее большинство философов советской эпохи, но также русских позитивистов, неокантианцев, феноменологов. Ограничившись только без оговорок православными мыслителями, мы исключим тогда из числа русских философов не только народников и марксистов, Льва Толстого и Льва Шестова, но и некоторых философов-«еретиков». Является ли софиология Флорен-

ского и Булгакова православной? Понятно, что начала «крови и почвы» в данном случае вообще не работают: Струве и Степун, Франк и Шпет не были русскими по крови, а «почвы» лишились все наши эмигранты. Даже язык, на котором написаны основные труды, не может служить критерием — некоторые важнейшие тексты русских мыслителей были написаны по-французски или по-немецки.

Ничуть не проще атрибуция в случае принадлежности к католицизму. От имени этой церкви выдвигались самые многообразные доктрины, в том числе и весьма далекие от богословской догматики. И гуманисты Флоренции, рассуждавшие в конце XIV в. о боговдохновенности своей вполне светской поэзии, и эпикуреец Лоренцо Валла, и Леонардо да Винчи были несомненными католиками, были таковыми и споривший с Лютером Эразм Роттердамский, и Томас Мор, святой не только для католической церкви, но и для истории социалистической идеологии. Критерии принадлежности к вероисповеданию формально не менялись, но разные люди в разные эпохи придерживались нередко противоречащих друг другу воззрений. Были ли «добрыми католиками» иезуиты-молинисты или янсенисты, вроде Арно и Паскаля?

В отличие от сект, такие огромные церкви, как православие и католичество, допускают многообразие мнений, научных поисков и философских прозрений. Они в немалой мере определяли и определяют донныне менталитет тех народов, которые веками исповедовали христианство в рамках данной деноминации. Даже отпавшие от церкви еретики и атеисты в каком-то смысле принадлежат культуре, испытавшей воздействие церкви. Чернышевский и Бакунин были русскими атеистами, однако их безбожие отличается от французского, идет ли речь о Ламетри или Сартре.

Православие и католичество разошлись после столетий сосуществования в рамках единой церкви, которому не препятствовали ни различия в литургии, ни даже *filioque*. Православные признают святыми мучениками двух пап, умерших в ссылке в Херсонесе Таврическом (современный Крым); помимо Климента Римского (I в.), таковым признается папа Мартин (VIII в.), схваченный по приказу императора-иконоборца. Можно вспомнить о том, что деятельность Кирилла и Мефодия получила благословение папского престола, что донныне из всех церквей и сект, полагающих себя христианскими, только католичество и православие с достаточными основаниями считают себя апостольскими, да и догматические различия между ними куда менее значительны, чем между ними и самыми умеренными из протестантских церквей. Если по своим обрядам некоторые дохалкидонские церкви (потомки несториан и монофизитов) ближе православным, догматически они расходятся с теми, кто признает авторитет первых семи вселенских соборов.

Тем не менее уже почти тысячу лет церкви разделены, и большую часть этого времени к противостоянию двух церквей добавляются

политические конфликты. Если во времена Киевской Руси и монгольского владычества эти конфликты были спорадическими, то уже с XVI в. «латинство» становится едва ли не главным идеологическим противником Москвы. Иначе говоря, не средневековая католическая церковь, а воинствующий Рим после Тридентского собора был откровенным врагом православия. Орден иезуитов пришел в Польшу для уничтожения протестантизма; справившись за полвека с лютеранами, иезуиты принялись за православных. Собственно говоря, не католичество как таковое, но польское католичество было в ту эпоху главной угрозой — достаточно вспомнить об унии и о Смутном времени.

Предметом философской и научной мысли Римский католицизм становится только в XIX столетии, когда в России возникают собственные «любомудры» и квалифицированные историки. Нам хорошо известны позиции тех, кто отстаивал православие (А. Хомяков) или своеобразие славянства (Н. Данилевский); известны их яркие оппоненты, признававшие достоинства католицизма (П. Чаадаев, В. Соловьев). Вряд ли есть нужда воспроизводить эти дебаты XIX в. Между нами и этими спорами лежит целая эпоха официального атеизма. К истории отечественной мысли относится и вопрос вождя, по главе которого в «Кратком очерке истории ВКП(б)» изучали философию: сколько у папы римского танковых дивизий?

Давние историософские споры продолжались в эмиграции, можно вспомнить о тех же евразийцах. Они возобновились сегодня с новой силой, но утратили немалую часть своей значимости, поскольку о какой «вселенской теократии» может идти речь в эпоху откровенной дехристианизации и отступления европейской цивилизации в целом? Православные и католики остались чуть ли не единственными христианскими церквями, не поддающимися «духу времени», а потому поносимыми как «реакционные» так называемой прогрессивной общественностью. Вероятно, настало время вновь обратиться к давним спорам, понять, что в них уже принадлежит прошлому, а что остается актуальным и ныне.

Очевидно то, что к Римскому католицизму в России обращались не только богословы и философы истории. Всякий турист, заходящий в католический собор во время мессы, обращает внимание на особенности литургии. Если он воцерковлен и хорошо образован, то может оценить отличия, как это сделал, например, в Вербное воскресенье 1923 г. С. Булгаков: «Импозантно. — Свой особый мир молитв и песнопений. Но должен сознаться, что холодно; нет задушевности, тепла, умиления, которыми благодарствованы наши храмы в Страстные дни». Он не превозносит православие как таковое, добавляя: «Но опять-таки это относится только к русским, у греков ничего нет, кроме базара»². Видимо, у греков, болгар или румын возможны подобные ироничные суждения о русских обрядах. Такие же различия имеются между польскими и ирландскими, американскими и испанскими католиками. Да

и не обряды составляют сущность православия и католичества. Известно то, что Рим признает право на византийский обряд за целым рядом греко-католических церквей, начиная с пары диоцез на юге самой Италии³.

Литургия, церковная архитектура, живопись, музыка обращают нас к творчеству немалого числа русских художников, многие из которых подолгу учились и жили в Италии. Римский католицизм в этом смысле у нас предстает прежде всего как итальянский католицизм. То же самое можно сказать о литературе, а отчасти и о философии. Петрарка и Данте, сделавшийся папой Пием II гуманист Пикколомини и Саванарола принадлежат Италии. О них размышляли и писали деятели Серебряного века — примером может служить роман Мережковского «Воскресшие боги». В ту пору были написаны отличные историко-философские и историко-культурные труды, посвященные европейскому Средневековью (Гревс, Герье, Трубецкой, Карсавин, Бицилли).

Почитавшие гностическую теософию Соловьева символисты, равно как толкователи Маркса и Ницше в России начала XX столетия судили о католичестве иначе, чем мы, жители мирового города через сотню лет. Иными стали и католическая церковь, и РПЦ, которая в своей недавней социальной доктрине в немалой степени опирается на опыт Рима. В прошлом можно и нужно искать не только то, что разделяет, но и то, что объединяет. Вероятно, самый симпатичный православным философам Николай Кузанский был не только кардиналом, но также тем посланником Рима, который пытался осуществить церковную унию в середине XV в.

Наши «левые» ссылаются ныне на опыт «теологии освобождения» в Латинской Америке (основные ее теоретики были иезуитами!), тогда как наши «правые» вспоминают об опыте противостояния обезбоженному миру английских католиков, вроде Честертона⁴. Перед лицом угроз современности православным и католикам куда лучше понятен архивный характер многих разногласий. Это не означает того, что нужно чем бы то ни было поступаться. В частности, православные никогда не примут тех догматов, которые были приняты Римом в XIX столетии. Но не это определяет повестку дня. А к прошлому нужно обращаться именно как к прошлому, т.е. к тому, что ушло и более уже не вернется. Это предполагает уважение к мыслителям и деятелям иных эпох, которые не были просто ступеньками к нашему «самому прогрессивному» миру⁵. Иначе говоря, настало время тщательной работы историков, которая мало чем походит на «шум и ярость» полемики публицистов и фанатиков. Историк философии труд Ансельма Кентерберийского, направленный против «греческих схизматиков», интересен именно как творение крупного богослова XI столетия, а не в качестве указания на верность выдвинутой Августином доктрины *filioque*. Мощи апостола Андрея пребывают сегодня в Амальфи, им можно поклоняться, не

вспоминая о том, что они были вывезены из разграбленного крестоносцами Константинополя. Крестоносцы давно принадлежат истории, равно как и сам Константинополь. Политической проблемой ныне является Стамбул, причем в совсем ином смысле, чем 100 лет назад во время Первой мировой войны.

Предлагаемые вниманию читателей статьи написаны именно историками. В них нет смысла искать ответы на вопросы богословов, равно как и на политические проблемы сегодняшнего дня. Собственно говоря, это переработанные в статьи доклады на конференции, которая проходила в Амальфи в октябре 2015 г.⁶ Круг вопросов на этой конференции был значительно более широким, но не все участники были готовы трансформировать доклад в статью, да и тематика итальянских коллег чаще всего была далека от философии. Как и все историки, авторы являются эмпириками и заняты интересующими их достаточно узкими темами. Эти дискуссии с итальянскими учеными продолжатся; вполне вероятно, будут обсуждаться и хорошо знакомые историкам отечественной мысли книги и авторы — конечно, есть смысл вновь обратиться к Чаадаеву, Соловьеву или Печерину; или к итальянским гуманистам, изучающим Платона под влиянием греческих беглецов из Константинополя. Речь пойдет как о творчестве выдающихся русских художников и писателей, так и об итальянской философии, которая пока что не слишком хорошо изучена в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Berl E.* Europe et Asie. — Paris: Gallimard, 1946. P. 131.

² *Булгаков С.Н.* Тихие думы. — М.: Республика, 1996. С. 382.

³ Там до сих пор живут потомки греков, к которым присоединились бежавшие от турок христиане-албанцы.

⁴ А также представителей так называемой «высокой церкви» в рамках англиканства — («англо-католиков»), к которым принадлежал и перебравшийся из США Томас Элиот, и куда лучше знакомый большинству юных читателей Толкиен. Уходящий мир католической британской аристократии прекрасно изобразил Ивлин Во в «Возвращении в Брайтсхед».

⁵ Я. Буркхардт изобразил «прогрессистский способ рассмотрения» так: «Тот или иной коридор в доме должен быть прекраснейшим уже потому, что он ведет в нашу комнату» (*Буркхардт Я.* Размышления о всемирной истории. — М.: РОССПЭН, 2004. С. 318).

⁶ Meeting culturale interdisciplinare italo-russo: Tra arte e spiritualità. Odeporica, pittura e studi storico-filosofici. Amalfi, 15–21 ottobre 2015.

*А.М. Руткевич,
руководитель проекта*